

irina
bless

АПОСТОЛ ЛЮБВИ

АННА КУРЛАЕВА

Анна Курлаева
АПОСТОЛ ЛЮБВИ

«Автор»

2026

Курлаева А.

Апостол любви / А. Курлаева — «Автор», 2026

Любимый ученик Христа, самый юный из апостолов, он единственный из них не принял мученическую смерть и жил так долго, что некоторые начали говорить, что он никогда не умрет. Это история его жизни и служения.

© Курлаева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Курлаева

Апостол любви

Глава 1

Цветущие благоухающие равнины, пышные зеленые рощи, богатейшие нивы сменились выжженными безводными долинами, голыми скалами, каменистыми, раскаленными от солнца дорогами. Путь до Иерусалима занимал четыре дня, и с каждым днем пейзаж становился суровее. Слово природы все свои силы отдала Галилее, создав там райский сад, и на долю Иудеи ничего не осталось. Этот контраст еще с детства поражал Иоанна каждый раз, когда они ходили в Иерусалим на Пасху¹.

Однако сейчас они с отцом направлялись в столицу не на праздник, а продавать рыбу. Раньше с отцом ездил только старший брат Иаков, но в последнее время они стали брать с собой и Иоанна.

Их семья поставляла рыбу первосвященнику, а заодно и на столичные рынки. В Галилее много не продашь: слишком бедный народ, да и рыбной ловлей промышляла не только их семья, — а вот Иерусалим — совсем другое дело. К тому же в Геннисаретском озере водилось множество рыб, в том числе и редких, ценимых любителями, готовыми заплатить за них большие деньги. И примерно раз в два месяца они засаливали рыбу в бочки и возили в Иудею. То, что именно их семья поставляла рыбу первосвященнику, было немалой честью. И хорошо оплачивалось.

Брат Иаков в этот раз с ними не поехал, оставшись дома в Вифсаиде. Зато им составили компанию Симон и Андрей, сыновья их соседа Ионы. Они не были поставщиками первосвященника, однако рынок в Иерусалиме всё равно предоставлял куда больше возможностей, чем в Вифсаиде.

Уже на подъездах к Иерусалиму дорога стала шире и гораздо оживленнее: по ней двигались повозки торговцев с самым разнообразным товаром. Кто-то, как и они, вез рыбу, другие — овощи и фрукты, кто-то — масло и муку, ткани и украшения. На Иерусалимском рынке можно было найти, что угодно.

И вот впереди показалась столица. Древний город стоял на горе, окруженный мощной стеной с множеством башен и глубоким рвом. Вокруг поднимались горы, спускались долины, волнообразно возвышалась и поднималась земля.

Они въехали в город через Геннатские ворота и там разделились: Иоанн с отцом повели запряженного в повозку ослика прямо — почти через весь город к дому первосвященника, а Симон с Андреем повернули к рынку.

Поднимаясь по узким улочкам на Сион, Иоанн привычно посмотрел налево на возвышавшийся на горе Мориа величественный храм, прямоугольная громада которого царил над всем городом. Его высокие стены из белоснежного мрамора сияли на солнце.

Из белого же мрамора, правда, не столь ослепительного, был сложен и дом первосвященника. Они заехали во внутренний двор с великолепным садом, окруженный выходившими на него комнатами двухэтажного дома. Двор украшали колонны с причудливыми завитушками и журчащий фонтан. К ним тут же собрались слуги, приветствуя и помогая донести товар до кухни.

— Здравствуй, Иоанн, — раздался сзади мелодичный голос, когда он вместе с отцом снимал с повозки очередную бочку.

¹ Главный иудейский праздник, который совершается в память об исходе евреев из Египта.

Иоанн со вздохом обернулся. Конечно же, там стояла Кейла — одна из служанок первосвященника, девушка на пару лет моложе него. Для прислуги она была одета достаточно богато: голубая льняная симла², подпоясанная широким кушаком, хорошей выделки; видневшийся из-под нее тонкий садин³ с кокетливыми оборками по низу; широкое покрывало, украшенное вышивкой; толстые черные косы переплетены яркими лентами. Носить ожерелья или браслеты ей не позволяло положение прислуги, иначе она наверняка бы их надела. Кейла держала в руках пустой кувшин — видимо, как раз шла за водой, — и без всякого стеснения смотрела на него темными миндалевидными глазами.

— Здравствуй, Кейла, — вежливо ответил Иоанн.

На самом деле, он очень надеялся, что ему удастся избежать этой встречи, но не повезло. Он очевидно нравился Кейле, и она каждый раз старалась хотя бы немного пообщаться. А она ему... не то чтобы совсем не нравилась — девушка она была красивая, — просто жениться он пока не собирался, а если бы собрался, выбрал бы себе невесту попроще и поскромнее. Отец усмехнулся, покосившись на них, однако ничего не сказал. Он тоже не видел Кейлу в роли своей невестки, но каждый раз забавлялся, когда она пыталась привлечь внимание его сына.

— Извини, мне надо работать, — заметил Иоанн.

Кейлу это нисколько не смутило и не напомнило, что у нее вообще-то тоже есть работа. Она только кивнула и осталась рядом, поставив тяжелый кувшин на землю и болтая обо всем на свете, пока он помогал отцу разгружать повозку. Иоанн не особенно прислушивался, но внимание резко вернулось, когда она заметила:

— Знаешь, говорят, на Иордане появился новый проповедник. Призывает всех к покаянию. Хочу сходить послушать — говорят, он настоящий пророк. Кто знает, может, даже Мессия⁴...

В груди трепыхнулась надежда. Возможно, это очередной обман — сколько их уже было таких проповедников, — но, возможно, что и в самом деле наконец-то пришел Мессия. Сходить послушать в любом случае не помешает.

— И где именно на Иордане он проповедует? — поинтересовался Иоанн.

Кейла солнечно улыбнулась, довольная тем, что ей удалось добиться от него реакции.

— В Вифаваре.

— Отец? — спросил Иоанн.

Тот снисходительно покачал головой.

— Мы можем завернуть туда на обратном пути.

— Спасибо!

Конечно же, Иоанн поделился новостью с Симоном и Андреем, когда они с отцом, закончив у первосвященника, присоединились к братьям на рынке. Те с энтузиазмом закивали.

— Да, мы уже слышали разговоры, — сказал Андрей. — Тоже собирались сходить посмотреть на него.

Так что, закончив с работой, они отправились на берег Иордана, куда помимо них стекалось немалое количество народа.

Он сразу привлек внимание Иоанна уже одним своим видом. Одетый в грубую хламиду из верблюжьего волоса, высокий и прямой как стрела, длинные волосы, спускающиеся по плечам и спине, резкие суровые черты лица. Настоящий отшельник, всем своим видом напоминавший о пророках древности.

— Покайтесь, — громко возвещал он, — ибо приблизилось Царствие Небесное.

² Верхняя одежда, представлявшая собой четырехугольный кусок ткани с отверстиями для головы и для рук.

³ Тонкое льняное нижнее платье

⁴ Мессия (по-гречески Христос) буквально переводится как «помазанник». Это происходит от обычая помазывать головы царей маслом при их вступлении на царство. В данном случае относится к обещанному пророками Царю, прихода которого ждали иудеи.

Иоанн насторожился и пробрался сквозь собравшуюся толпу поближе, чтобы лучше слышать. Андрей с Симоном последовали за ним. Люди рядом тихонько переговаривались, обсуждая учение и проповедника.

— Это Иоанн, сын Захарии, — произнес пожилой мужчина неподалеку от них. — Его рождение само по себе было чудом.

— Как это? — поинтересовался его гораздо более молодой сосед, и тот охотно объяснил:

— У Захарии долго не было детей, они с женой и состарились уже, все думали, что Бог лишил их милости за какие-то грехи. И тут вдруг Елисавета понесла — в ее-то преклонные лета. Но мало того — однажды Захария, когда была его черед служить, вышел из храма немым. И до самого рождения сына ничего не слышал и говорить не мог. А как ребенок родился, так и заговорил. Мы все тогда еще подумали: из этого ребенка вырастет кто-то великий.

Иоанн переглянулся с друзьями, и все трое уже с интересом пробрались еще ближе — к самому берегу. По всему выходило, что новый проповедник — посланный Богом пророк. Может быть, даже действительно долгожданный Мессия.

— Сотворите плод, достойный покаяния, — говорил проповедник, — и не рассчитывайте говорить себе: «Отец у нас Авраам». Ибо говорю вам, что Бог может из этих камней воздвигнуть детей Аврааму...

Люди заволновались и один из другим постепенно начали подходить, чтобы исповедовать грехи и получить очищение через погружение в воду Иордана. А выходя, спрашивали:

— Что нам делать?

— Имеющий два хитона⁵ пусть поделится с не имеющим, — отвечал проповедник, — и имеющий еду пусть поступает также.

Он нравился Иоанну всё больше, наверняка у него есть чему поучиться, так что Иоанн попросил отца:

— Можно, я останусь у него в учениках на какое-то время?

Зеведей нахмурился — ему совершенно не хотелось лишаться рабочих рук, — но младший сын, на рождение которого они с Саломией уже и не надеялись, смирившись с тем, что Бог послал им только одного ребенка, был его любимцем и никогда ни в чем не знал отказа. Кроме того, возможно, это действительно не обычный проповедник. И он кивнул.

— Хорошо.

— Я тоже останусь, — решил Андрей.

Симон заспорил было с ним, но быстро сдался. Сам он собирался вернуться домой, чтобы отвезти выручку семье, а потом прийти к ним обратно. Как и остальные, собравшиеся на берегу люди, они спустились к Иордану, чтобы исповедовать свои грехи и креститься.

Иоанн, сын Захарии, против учеников не возражал, хотя, с другой стороны, и набирать их не стремился. Тем не менее вокруг него быстро собралась небольшая группа последователей. Так Иоанн с Андреем, поселившись на постоялом дворе, стали приходить к нему на Иордан каждый день.

Чуть ли не вся страна шла к учителю креститься — и мытари⁶, на которых неприязненно косились остальные, и воины, и даже блудницы, на которых косились еще более неприязненно. Однако учитель никого не отвергал и принимал покаяние каждого.

Всё больше Иоанн — да и не он один — задумывался, не Мессия ли их учитель. Даже фарисеи⁷ задались этим вопросом и послали к нему священников и левитов⁸. Толпа рассту-

⁵ Нательная одежда, преимущественно из льняной ткани, поверх которой надевалась другая.

⁶ Сборщики податей. Их не любили за то, что они хорошо наживались на своем деле, а еще больше за то, что подати собирали в пользу Римской империи, то есть захватчиков.

⁷ Представители наиболее влиятельного религиозно-патриотического течения в Иудее.

⁸ Потомки Левия, родоначальника одного из двенадцати колен Израилевых, назначавшиеся на особое служение при храме в помощь священникам, потомкам Аарона, из того же колена.

пилаась перед ними, когда они подошли к берегу — важные, величественные, в роскошных тяжелых одеяниях.

— Ты кто? — спросил один из священников. — Мессия?

Иоанн встрепнулся, внимательно слушая. Может, вот сейчас...

— Нет, — спокойно ответил учитель. — Я не Мессия.

Иоанн разочарованно вздохнул. А он-то уже надеялся... И всё же учитель точно не был простым человеком, в этом он не сомневался.

— Тогда кто? Илия? — продолжили они допрос. — Пророк?

— Нет, — отвечал учитель на каждый вопрос.

— Так кто же ты? Что говоришь сам о себе? Чтобы мы могли дать ответ пославшим нас.

Учитель одарил их внимательным взглядом, от которого они несколько стушевались, но не отступили.

— Я голос вопиющего в пустыне: «Выпрямите путь Господень», — как сказал пророк Исайя.

Писания Иоанн знал хорошо — родители позаботились об их с Иаковом образовании. По всему выходило, что учитель — предтеча Мессии. Однако фарисеи, которые не могли не узнать цитату и не понять ее, скептически переглянулись, некоторые даже пробормотали что-то определенно неодобрительное.

— Так что же ты крестишь, — с отчетливой насмешкой спросил один из них, — если ты ни Мессия, ни Илия, ни пророк?

Иоанн сердито нахмурился: было заметно, что фарисеи пришли сюда не для того, чтобы узнать правду, а чтобы подловить в чем-нибудь учителя. Однако тот остался спокоен. И его голос звучал по-прежнему твердо и с непоколебимым убеждением:

— Я крещу вас водой. А среди вас стоит Тот, Кого вы не знаете, Кто приходит после меня. Я недостойн и ремень развязать на Его сандалиях. Он будет крестить вас Святым Духом и огнем.

— Он имеет в виду Мессию? — тихонько спросил Иоанн Андрея.

Тот пожал плечами.

— Вполне возможно.

Позже, когда фарисеи вернулись восвояси, а толпы разошлись, Иоанн напрямую спросил его об этом. И учитель подтвердил: да, он послан, чтобы приготовить путь Мессии.

— А кто Он? — спросил Иоанн.

— Я не знаю, — просто ответил учитель, но прежде чем Иоанн успел озадачиться, добавил: — Но Пославший меня крестить в воде сообщил мне знамение. И как только я это знамение увижу, я смогу указать вам Его.

И Иоанн с нетерпением ждал этого момента — когда он сможет увидеть Мессию. Учитель уверял, что это должно произойти скоро.

День стоял жаркий и солнечный, к тому же в долине Иордана почти всегда было удушающе жарко. Но это не мешало множеству людей благоговейно внимать словам учителя и с готовностью омыwać свои грехи в реке. Как вдруг учитель замер и выпрямился, устремив взгляд поверх голов собравшейся толпы к пологому подъему берега. На его лице появилось одновременно восторженное и благоговейное выражение. Иоанн удивленно в свою очередь повернулся туда — посмотреть, что привлекло его внимание. К Иордану спускался молодой мужчина в простой льняной одежде.

Далеко не сразу Иоанн узнал Иисуса — самого младшего брата его матери Саломии. Правда, надо признать, несмотря на то что они были близкими родственниками, видел он Его не так часто. Вскоре после того, как мать вышла замуж за отца, они перебрались в Вифсаиду.

Так что с родственниками, оставшимися в Назарете, виделись редко и в последний раз пять лет назад по печальному поводу — на похоронах отца Саломии, Иосифа. В Иисусе всегда чувствовалось нечто необычное, можно сказать неземное. Но сейчас...

Иоанн пораженно замер, разглядывая Его. В Нем было столько спокойного величия, прорывавшегося сквозь скромный образ сына плотника, что даже разношерстная толпа, собравшаяся на берегу Иордана, невольно расступалась перед Ним. Когда Он подошел к воде, собираясь — как и прочие, пришедшие каяться и креститься от учителя, — вступить в нее, учитель вдруг упал перед Иисусом на колени. Грозный обличитель грехов, чьему призыву к покаянию внимали даже мытари, блудницы и солдаты, с выражением ужаса и благоговения воскликнул:

— Мне следует креститься от Тебя. И Ты ли приходишь ко мне?

Иисус только коротко взглянул на учителя и тихим, но твердым голосом произнес:

— Оставь теперь, ибо так нам надлежит исполнить всякую правду.

И учитель покорно последовал за Ним в Иордан — словно это его вели креститься. Что произошло потом, Иоанн не понял. Не поняли и другие ученики. Только осталось чувство, что на перед ними произошло нечто важное, чего они не разглядели, поскольку оно было скрыто от их глаз.

Позже Иоанн расспросил учителя, и тот объяснил:

— Пославший Меня крестить сказал: «На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящийся Духом Святым». И я видел, как Дух в виде голубя спускается на Него. Он есть Сын Божий.

Иоанн встрепенулся. Неужели? Наконец-то Мессия! Но... Он давно ушел. И где теперь Его искать? Иоанн пытался расспрашивать в окрестностях, но никто не мог сказать ему ничего определенного.

Дни проходили за днями, а Иисус будто исчез. Иоанн уже совсем смирился с мыслью, что, наверное, не его судьба быть рядом с Мессией, наверное, простой рыбак недостойн такой чести.

Прошло больше месяца, когда он увидел Его снова. Иоанн перестал надеяться, когда вдруг услышал слова учителя:

— Вот Агнец Божий.

Иоанн резко повернулся и увидел идущего по берегу Иисуса. Переглянувшись с Андреем, они, не сговариваясь, поспешили догонять Его.

Обернувшись, Тот спросил:

— Что вам надобно?

Встретив взгляд глубоких синих глаз, Иоанн застыл, ощущая себя так, будто время замедлилось и остановилось. В этих глазах светилась нечеловеческая мудрость. Но мудрость не холодная и отстраненная, а любящая, теплая. Возникло ощущение, что Иисус видит тебя насквозь — до самых потаенных мыслей — и понимает, как не смог бы понять больше никто.

— Равви⁹, — ответил Андрей, — где живешь?

— Пойдите и увидите, — ответил Он.

Иоанн почти не верил своему счастью — Мессия приглашал их с Собой!

Он тоже жил на постоялом дворе в поразительно скромной, чтобы не сказать бедной комнате, в которой всего-то и было, что скамья, стол и циновка. Весь тот день они провели у Иисуса, всё больше сами (а не только доверяя словам учителя) убеждаясь, что нашли Мессию.

Иоанн даже не заметил, в какой момент Андрей ушел, чтобы некоторое время спустя вернуться вместе с Симоном, который как раз недавно приехал обратно. На его лице, когда он переступил следом за Андреем порог дома, были написаны одновременно сомнение и надежда.

⁹ Учитель.

Иисус посмотрел прямо на него, и Симон замер, кажется, даже перестав дышать. Иоанн невольно улыбнулся: теперь настала очередь друга попасть в фокус этого невероятного взгляда. Прежде чем Андрей успел представить брата, Иисус произнес:

— Ты Симон, сын Ионы.

Симон заметно вздрогнул, и на его лице появилось благоговение, все сомнения тут же исчезли. А Иисус добавил:

— Ты наречешься Кифа¹⁰.

Симон недоуменно моргнул, но переспрашивать не решился. Иоанн тоже не очень понял причину такого наименования и промолчал.

На следующий день Иисус собирался идти в Галилею, и Иоанн решил, что это очень удачно. Он надолго задержался в Иудее — родители, наверное, беспокоятся. Теперь же он сможет заглянуть домой, рассказать обо всем родителям и брату, и расставаться с Иисусом не придется. По пути к ним присоединились Филипп и Нафанаил — их земляки, которые тоже приходили послушать Крестителя, но в учениках у него не остались. А вот за Иисусом пошли, стоило Ему позвать их.

¹⁰ Кифа (по-гречески Петрос) в переводе означает «камень».

Глава 2

Свадьба была не особенно богатой, но веселой. Жених с невестой светились счастьем и сияли солнечными улыбками. Гости были рады за них — сразу видно: хорошие люди, которых любят их друзья, соседи и знакомые. Сам Иоанн не был знаком с новобрачными. Но в Кану на свадьбу пригласили Учителя и Его Мать, а заодно и их — Его учеников.

Уже закончилась торжественная часть, в самом разгаре был пир, музыканты играли веселые мелодии. Станцевав традиционный танец, невеста устроилась во главе женского стола, переглядываясь оттуда с женихом, возлежащим на мужской половине.

И тут к Иисусу подошла Его Мать. Встав позади, Она наклонилась к Нему, и темное вдовье покрывало, опустившись от движения, почти закрыло Ее нежное лицо.

Иоанн пару раз слышал, как некоторые его дяди ворчали на неожиданное для всех решение деда Иосифа жениться на совсем юной Девочке — в его-то годы, будучи вдовцом и имея уже взрослых детей! Недовольство усилилось, когда Мария родила Сына — еще одного претендента на и так не слишком богатое наследство. Но Иоанну Она всегда нравилась своим неизменно ласковым и заботливым отношением к окружающим.

— Вина у них нет, — тихо произнесла Мария.

Иоанн одарил Ее озадаченным взглядом. Чего именно Она хотела от Сына? Чтобы Он купил еще вина? Но для этого немного поздно, да и у Них самих было не так много средств. Учитель поднял на Нее взгляд и мягко произнес:

— Какое Нам с Тобой дело, Женщина? Еще не пришел Мой час.

О чем бы Она ни просила, ответ прозвучал отказом. Однако Мария продолжала смотреть на Сына с просьбой в глазах, и несколько мгновений спустя Он кивнул. Она просияла улыбкой и повернулась к слугам, которые топтались неподалеку, видимо, не желая сообщать такую новость распорядителю пира:

— Что Он скажет вам, то и делайте.

Учитель посмотрел теперь на слуг и велел им:

— Наполните сосуды водой.

И кивнул на стоявшие здесь же шесть каменных водоносов, которыми пользовались для очищения¹¹. Слуги недоуменно переглянулись, пожали плечами — на их лицах так и было написано: «Хуже-то всё равно не будет» — и пошли исполнять веленное. Уже чувствуя, что происходит нечто необычное, Иоанн, как и остальные ученики, с интересом наблюдал за происходящим.

Когда водоносы были наполнены, Учитель сказал слугам:

— А теперь почерпните и отнесите распорядителю пира.

Те посмотрели на Него с еще большим недоумением и даже опасением. Принесут они распорядителю воды вместо вина, так он их приберет еще за такие шутки. Однако, поколебавшись, решили послушаться. За реакцией распорядителя Иоанн наблюдал с особенным интересом.

Тот отведал поднесенной ему воды, и его брови удивленно поднялись. Слуга, поднесший ему ковш, заметно сжался, ожидая разноса, но распорядитель повернулся к жениху, чтобы с веселым изумлением заметить:

— Всякий человек сначала подает хорошее вино, а когда напьются — уже худшее. А ты лучшее сберег до этого момента.

¹¹ Имеется ввиду ритуальное умовение рук, посуды и некоторых других предметов, принятое в иудаизме. Это делалось не ради гигиены, а для обрядового очищения.

Жених явно ничего не понял — он-то наверняка был уверен, что вино у него одинаковое. А вот Иоанн восторженно посмотрел на Учителя, который как ни в чем ни бывало вернулся к трапезе, а потом на своих товарищей. Те ответили ему не менее пораженным и восторженным взглядом. Они и до сих пор не сомневались, что их Учитель — Мессия, но сейчас получили явное тому подтверждение.

Оказалось, чудо видели не только они, ближайшие ученики, и слуги, наливавшие воду, но и некоторые гости. Вскоре к Иисусу подошел молодой человек и, поклонившись до земли, попросил:

— Равви, возьми меня в ученики!

Так к ним присоединился Симон. Чтобы не путать его с братом Андрея, его вскоре стали называть Кананитом, поскольку он был родом из Каны.

Когда брачный пир закончился, Учитель ушел в Капернаум, сказав, что останется здесь на какое-то время, а Иоанн с Симоном и Андреем отправились домой в Вифсаиду, чтобы сообщить новости родным.

Добравшись до дома, Иоанн нашел отца и брата на берегу моря, возле их пришвартованной лодки за починкой сетей.

— Наконец-то, — проворчал отец. — Я уж начал думать, что ты решил остаться в Иудее навсегда.

Иоанн виновато потупился. Его пребывание на Иордане действительно затянулось. Однако несмотря на сердитый тон, он видел, что отец рад его возвращению. И не только потому, что это означало дополнительные рабочие руки. Иаков, не отрываясь от работы, ухмыльнулся брату:

— Ну и как твое ученичество?

Иоанн лучезарно улыбнулся.

— Мы нашли Мессию! — с торжеством заявил он.

Отец скептически приподнял брови, зато Иаков заинтересовался. Но объяснить он ничего не успел, поскольку пришла мама, чтобы позвать семью обедать и, увидев его, тут же бросилась обнимать. Так что рассказывал он уже за столом, одновременно с аппетитом поедая рыбу с хлебом.

— Из Назарета? — недоверчиво спросил Иаков, отставив пустую тарелку. — Может ли из Назарета быть что хорошее?

Иоанн пожал плечами. Да, Назарет пользовался не лучшей репутацией, мягко говоря. Но в своей правоте он не сомневался.

— Я понимаю твои сомнения. Но если ты увидишь Его и побудешь в Его обществе хотя бы несколько минут, уверен, ты тоже это почувствуешь.

— Постой-ка, — неуверенно спросила мама, начав собирать посуду. — Под Иисусом из Назарета ты имеешь в виду моего брата?

Иоанн кивнул. Ему тоже поначалу странно было думать, что Мессия родился в их семье, был их родственником, но он успел свыкнуться с этой мыслью. Отец высказался более категорично:

— Младший сын Иосифа? Да быть того не может!

— Вам надо просто поговорить с Ним, — убежденно повторил Иоанн.

Отец хмыкнул, нисколько не убежденный, но всё же уступил:

— Там видно будет.

А мать о чем-то глубоко задумалась.

Продолжая работать с отцом, Иоанн с Иаковом — как, впрочем, и Симон, Андрей, Филипп и Нафанаил — регулярно ходили в Капернаум, беседовать с Учителем. Отец ворчал, считая, что они зря теряют время, но походы не запрещал. Мама же вскоре начала ходить вместе с ними и слушала Иисуса с не меньшим вниманием. А на Пасху — впервые не с семьей, а с Учителем — отправились в Иерусалим.

Покрытый листами золота храм сверкал на солнце ослепительным блеском. Издалека могло показаться, что он покрыт снегом, поскольку там, где он не был позолочен, он был ослепительно белым. Строгие линии стен и башен, окружавших его, как и самого здания храма вызывали благоговейный трепет.

Правда, благоговение несколько уменьшалось, стоило вступить во внешний двор — тот, куда допускались все, включая любопытствующих язычников, и где в преддверии праздника было шумно и многолюдно: продавали волов, овец и голубей для жертвоприношений, сидели менялы, чтобы обменять римские монеты на те, которые можно вложить в сокровищницу храма. Овцы блеяли, волы мычали, продавцы кричали, подзывая людей, пришедшие со всех концов страны на праздник бродили, выбирая жертву получше и спорили с торговцами.

Иоанн думал, что они, как и все, купят животное для жертвоприношения. Но вместо этого Иисус, обведя шумное собрание суровым взглядом, вдруг подобрал несколько веревок и сплел из них бич. Того, что случилось дальше, не ожидал никто. Пользуясь самодельным бичом, Учитель выгнал из храма торговцев вместе с их живым товаром, опрокинул столы менял, рассыпав деньги, грозно объявив во всеуслышание:

— Возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли!

Если до сих пор Иоанн просто ошарашенно наблюдал, то в этот момент в памяти отчетливо всплыли слова Священного Писания: «Ревность по дому Твоем снедает Меня». Переглянувшись с остальными учениками, он прочитал в их глазах, что они точно так же вспомнили эти строчки. Но к Учителю уже спешили возмущенные священники:

— Что Ты творишь? — гневно спросили они. — Какое право имеешь так поступать?

Честно говоря, Иоанн немного испугался: их могли ждать серьезные последствия. Однако Учитель остался спокоен, словно их гнев несколько Его не трогал.

— Разрушьте этот храм, — ровным тоном ответил Он, — и Я в три дня воздвигну его.

Настоящий смысл этих слов Иоанн понял только гораздо позже, сейчас же он просто наблюдал, как священники саркастично хмыкнули:

— Этот храм строился сорок шесть лет, а Ты воздвигнешь его в три дня?

Однако Учитель больше ничего не добавил и спор с ними продолжать не стал — просто вышел из храма. Ученики последовали за Ним.

Пока они оставались в Иерусалиме на празднике, Он многих исцелял и изгонял бесов, так что люди, видя эти чудеса, стали собираться послушать Его. Уже начала разноситься в народе пока еще неуверенная весть о том, что наконец-то появился Мессия.

Поздним вечером, когда они собирались ложиться спать, в тот дом, где они остановились, кто-то постучал. Переглянувшись с друзьями — на мгновение мелькнула мысль, что это фарисеи все-таки решили их арестовать, — Иоанн, как самый молодой, пошел открывать.

На пороге стоял мужчина среднего возраста. Шелковый цветной талит¹², отороченный мехом и с кистями по углам, и золотые перстни на руках выдавали в нем человека богатого и знатного. Однако он был один — ни стражи, ни кого-то еще поблизости не наблюдалось.

— Чем могу помочь? — спросил Иоанн.

Тот нервно оглянулся, будто боялся преследования, и спросил:

¹² Верхняя накидка

— Могу я поговорить с вашим Учителем?

Секунду поколебавшись, Иоанн кивнул и пропустил его в дом.

Симон с Андреем одарили прибывшего настороженными взглядами. Иаков сразу подобрался, уже готовясь защищать Учителя. Сам же Иисус посмотрел на него со всегдашним доброжелательным спокойствием.

— Здравствуй, Никодим, — произнес он.

Тот на мгновение замер, в его глазах мелькнуло восхищение, а потом низко поклонился.

— Равви! — начал он. — Мы знаем, что Ты — Учитель от Бога. Ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог.

Их дальнейшую беседу о необходимости рождения свыше Иоанн запомнил в малейших подробностях, хотя и не до конца понял. Впрочем, Никодим явно тоже не слишком понимал слова Учителя и постоянно Его переспрашивал.

— Ты учитель Израилев, и этого ли не знаешь? — упрекнул его Иисус.

Никодим смутился и продолжал слушать с еще большим вниманием. Беседовали они долго, и в итоге Никодим ушел, определенно убежденный в том, что нашел Мессию. Даже если понял по-прежнему далеко не всё. Иоанн же постарался запомнить все слова Учителя, чтобы обдумать их позже.

В Иудее они задержались надолго — пока царь Ирод не заключил Иоанна Крестителя в темницу. До тех пор он продолжал крестить людей в Иордане, призывая их покаянию и направляя к Иисусу. А попутно обличал царя в нечестивом сожителстве с женой собственного брата. За что и попал в темницу. Никто не сомневался, что это случилось по наущению Иродиады. Сам-то Ирод Иоанна уважал и во многом слушался, если не считать этого конкретного вопроса. Иродиада же наверняка считала его обличения угрозой своему положению и решила избавиться от этой угрозы.

Вот после этого они и отправились обратно в Галилею. Иоанн был даже рад — хотелось проведать родителей. И как там отец справлялся один без обоих сыновей? Он ведь уже не молод. Иаков его беспокойство полностью разделял.

На этот раз, вопреки обыкновению, пошли через Самарию. На самом деле, так было короче, но отрицательная сторона состояла в том, что самаряне зачастую не пускали иудеев через свои земли — особенно на пути в Иерусалим. Да и сами иудеи не стремились лишний раз пересекаться с самарянами и обычно обходили Самарию вокруг, несмотря на то, что так приходилось два раза переходить через Иордан¹³.

В отличие от суровой скалистой Иудеи, Самария была живописной страной, где возвышенности чередовались со скалистыми оврагами и зелеными долинами.

Немного не доходя до города Сихарь, Иисус остановился отдохнуть на холме возле колодца Иакова. Это было историческое место — близ участка земли, данного патриархом Иаковом своему сыну Иосифу. День уже клонился к вечеру, они долго шли по палящему солнцу и все устали. Учитель сел возле колодца, а они, Его ученики, решили сходить в город купить поесть.

В городе на них, конечно, косились недоброжелательно, но хлеб продали, а больше им ничего и не было нужно. Вернувшись, они обнаружили, что Иисус беседует с какой-то самарянской, которая, видимо, пришла к колодцу набрать воды. У ее ног на земле стоял забытый сосуд, а сама она внимательно слушала Иисуса и задавала вопросы.

¹³ Самаряне верили в единого Бога, но в их религиозной практике присутствовали элементы политеизма. За уклонение от чистоты веры и не любили их иудеи, считая почти язычниками.

Они удивленно остановились. О чем Он мог говорить с самарянкой? Но спросить не решились.

— Знаю, что придет Мессия, — заметила она, и Иоанн удивленно приподнял брови — не каждый день встретишь женщину, которая интересуется такими вопросами. — И тогда Он возвестит нам всё.

— Это Я, Который говорю с тобой, — ответил Иисус.

Иоанн замер, чувствуя, как слова эхом отдаются в душе. Это Я, Который говорю с тобой. Да, он давно не сомневался, что Учитель — долгожданный Мессия, но до сих пор Иисус ни разу не говорил этого прямо. А теперь вот сказал. Какой-то самарянке. Это было даже отчасти обидно. Или, может, Он посчитал, что их вера не нуждается в таком прямом удостоверении?

Женщина, забыв про водонос, побежала в город — наверное, объявить новость. Удивленно посмотрев ей вслед, Нафанаил протянул Учителю хлеб:

— Равви, ешь.

Однако в ответ услышал:

— У Меня есть пища, о которой вы не знаете.

Все недоуменно переглянулись.

— Может, кто-то уже принес Ему поесть? — предположил Симон.

Но Иоанн не первый раз заметил, что слова Иисуса не следует понимать так буквально, что обычно он говорит не о материальном. И действительно — Он продолжил:

— Моя пища — творить волю Пославшего Меня и совершить Его дело.

Иоанну вспомнились слова Писания: «Не хлебом единым жив человек, но всяким глаголом Божиим». Значит, исполнение Божией воли — это пища, подкрепляющая душу. А Учитель уже перешел к словам о жатве. Конечно, опять-таки не материальной — хотя бы потому что до жатвы оставалось еще четыре месяца, на что Он сам и указал, при этом сразу же за этим заявив, что поля спели к жатве.

— Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в их труд.

— Как думаешь, что Он имеет в виду? — шепотом спросил Иаков.

— Предполагаю, — задумчиво ответил Иоанн, — что те, кто трудились до нас — это пророки, которые готовили наш народ к приходу Мессии.

— Пожалуй, — согласился Иаков.

Тут появились самаряне, приведенные той женщиной. Иоанн сначала насторожился, готовясь, что они сейчас прогонят их отсюда. Но нет, приблизившись, самаряне почтительно попросили:

— Учитель, побудь у нас немного.

Это было что-то новенькое. Чтобы самаряне приглашали иудеев в гости? Что же такого рассказала им женщина? Иисус принял приглашение, и пока они шли, Иоанн приблизился к ней и спросил:

— Как тебя зовут?

Она покосилась на него и с готовностью ответила:

— Фотиния, господин.

— А меня Иоанн. Фотиния, можешь рассказать, о чем ты говорила с Учителем, пока нас не было?

Она улыбнулась и кивнула:

— Конечно.

Она пришла к колодцу за водой. И сидевший там Человек вдруг попросил у нее пить. Она, естественно, удивилась, что иудей вообще разговаривает с ней, не говоря уже о том, что просит пить. О чем Ему прямо и сказала. И получила удивительный ответ: «Если бы ты знала, Кто разговаривает с тобой, то сама просила бы у Него пить». Придя в полное недоумение, она поинтересовалась, чем Он собирается черпать воду в глубоком колодце. И услышала слова о

живой воде. Она не поняла, о чем Он говорит, но заинтересовалась водой, выпив которую, больше никогда не будешь жаждать. И только когда Этот Человек, Которого она видела впервые в жизни, сказал, что у нее было пять мужей, и тот, с кем она сейчас живет, не муж ей, она поняла, что перед ней пророк.

— Ну и, конечно, я захотела узнать, где следует поклоняться Богу, — она пожала плечами с само собой разумеющимся видом.

Иоанн поразился мудрости этой простой необразованной женщины, самарянки к тому же, которая, поняв, что видит пророка, сразу забыла про материальные заботы и спросила у Него о самом важном.

— И что Он тебе ответил? — поинтересовался Иоанн.

Фотиния улыбнулась.

— Что Богу надо поклоняться не на каком-то месте, а в духе и истине.

Иоанн кивнул — он предполагал нечто подобное.

— И еще добавил, что мы не знаем, кому кланяемся, а вы знаете, — продолжила Фотиния и, немного подумав, заключила: — Наверное, Он прав, и спасение действительно от иудеев.

В Сихари они пробыли два дня. Местные жители оказались на удивление благоразумны. Они с готовностью внимали словам Учителя, не смущаясь древней враждой между их народами, и немалое количество людей уверовали в Него и говорили, что истинно Он — Спаситель мира, долгожданный Мессия.

Галилея встретила возвращение Учителя с восторженным энтузиазмом. Их земляки тоже были в Иерусалиме на празднике и видели творимые Им чудеса. К Нему сразу же начали приводить больных, и Он исцелял их. Особенно поразил Иоанна случай с сыном капернаумского вельможи. Иисус исцелил его, даже не видя мальчика — просто сказал несчастному отцу:

— Иди, сын твой здоров.

Нашлись, конечно, те, кто усомнились в Его словах — сказать-то можно что угодно. Но позже исцеление подтвердилось. Теперь уже счастливый отец вернулся несколько дней спустя поблагодарить Иисуса, сообщив, что горячка оставила его сына ровно в тот час, когда Учитель сказал, что мальчик здоров.

А вот в Назарете Его не приняли, как Он и предсказывал, сказав, что не бывает пророка в своем отечестве.

Небольшой городок лежал на крутых вершинах, высящихся над Изреельской долиной, покрытой цветущей зеленью. Его окружала горная цепь, закрывая горизонт. Серые квадратные домики располагались по восточным склонам двух холмов. Между ними проходила лощина — главная улица Назарета. На ней располагались бассейны для омовений, мастерские, лавки, рынок. По ней Учитель повел их в субботу к синагоге — самому большому зданию в Назарете.

Пройдя через просторную прямоугольную комнату, Иисус поднялся на кафедру, чтобы читать. Начальник синагоги с готовностью подал Ему свиток Священного Писания, и Иисус развернул его, открыв книгу пророка Исаяи.

— Дух Господень на Мне, — прочитал Учитель, — ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное.

Знакомые с детства слова сейчас обрели для Иоанна новый смысл. Он всем сердцем почувствовал, что написаны они именно про Учителя — Иисуса из Назарета. Настало лето Господне, когда Бог возвеличит Свой народ. И это почувствовал не он один. Однако тут же начались сомневающиеся шепотки:

— Не Иосифов ли это сын? — спросил стоявший неподалеку от Иоанна пожилой мужчина.

И остальные рядом с ним закивали. В общем-то Иоанн мог понять их сомнения — сложно увидеть пророка в том, кого ты знал с самого детства, в мальчишке с соседней улицы. Но неужели они не чувствовали эту силу, этот свет, которые исходили от Иисуса? И Учитель очевидно прекрасно знал мысли и настроения окружающих Его людей. Свернув книгу, Он уже говорил:

— ...много вдов было в Израиле во дни Илии, и ни к одной из них не был послан Илия, а только к вдове в Сарепту Сидонскую. Много также было прокаженных в Израиле при пророке Елисее, и ни один из них не очистился, кроме Немана Сириянина.

Этот намек люди прекрасно поняли и предсказуемо разозлились.

— Да как Он смеет? — возмущались они. — Сын плотника и подвергает сомнению нашу веру?

Повскакивав с мест, они окружили Учителя шумной толпой и повели Его к вершине горы, на которой стоял город, с очевидным намерением столкнуть Его вниз. Иоанн с остальными учениками бросились следом, собираясь защищать Учителя, отбивать Его от разъяренной толпы. Однако их вмешательство не понадобилось. Иисус просто прошел между ними, будто вдруг стал невидимым им, и спокойно ушел. Пока ученики пораженно осознавали это чудо, Он печально посмотрел на всё еще шумевшую на горе толпу и сказал:

— Пойдемте. Здесь больше уже ничего не сделаешь.

— Учитель, — нерешительно спросил Андрей по пути, — почему Ты не явишь им какое-нибудь чудо? Они бы убедились...

Иисус покачал головой:

— Нельзя явить чудо тому, кто не хочет его принимать. Если человек не желает видеть, никакие силы не сделают его зрячим.

Иоанн вдруг осознал, что Он скорбит о них — о тех самых людях, которые только что собирались Его убить. Ни малейшей злости, раздражения или обиды. Только печаль о тех, кто упорно остается во тьме. «А я смог бы так?» — спросил себя Иоанн и вынужден был признать, что не знает ответа.

После этого Иисус остановился в Капернауме, уча людей, которые воспринимали Его слова гораздо доброжелательнее, чем в Назарете, а Иоанн с Иаковом, Симоном и Андреем пошли в Вифсаиду проведать родителей. Там они снова занялись своим обычным рыбацким делом, регулярно наведываясь в Капернаум, чтобы побыть с Учителем.

Ночь выдалась не слишком успешной. Рыба не клевала, хотя обычно на ее недостаток в Галилейском море жаловаться не приходилось, и ни Иоанн с отцом и братом, ни Симон с Андреем практически ничего не поймали. Отсутствие улова означало отсутствие заработка, так что настроение у всех было не самое радужное.

Вымыв сети, они занялись их починкой. В какой-то момент подняв взгляд от работы, Иоанн увидел идущего по берегу моря Иисуса, вокруг которого уже начала собираться толпа. Иоанн радостно улыбнулся и пихнул локтем Иакова, привлекая его внимание.

— Учитель! — объявил он на недоуменный взгляд брата.

Тот в свою очередь просветлел, и оба одновременно посмотрели на отца. До сих пор им не удавалось уговорить его пойти с ними хотя бы раз послушать Иисуса.

— У меня дел полно, — ворчал он. — Кто семью будет кормить, если стану гулять туда-сюда?

А тут Учитель, словно узнав про горячее желание Иоанна, пришел сам. Отец ни на секунду от работы не отвлекся, но Иоанн видел, что он тоже прислушивается. Правда, пока

им почти ничего не было слышно. Однако народ всё собирался, и Иисус всё ближе подходил к берегу — еще немного и Ему придется ступить в воду. Оглядевшись, Он вошел в лодку Симона, попросил его отплыть немного от берега и, сев в ней, начал учить народ из лодки. Все собравшиеся на берегу замерли, чуть ли не затаив дыхание, ловя каждое слово. Несмотря на огромное количество народа, тишина стояла такая, что было слышно, как вода плещется о борта лодок. А над водой отчетливо разносился глубокий ровный голос Учителя.

— ...Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы поступали с вами люди, так и вы поступайте с ними... Не судите, и не будете судимы. Не осуждайте, и не будете осуждены. Прощайте, и будете прощены. Давайте, и дастся вам...

Забыв про сети, Иоанн, как и все остальные, внимал Учителю, стараясь в точности запоминать Его слова, даже если порой они казались ему слишком высокими.

Закончив проповедь, Иисус сказал Симону:

— Отплыви на глубину, и закиньте сети.

Тот в ответ посмотрел с сомнением.

— Учитель, мы всю ночь трудились и ничего не поймали.

Его сомнения были понятны всем присутствующим. Если уж они ничего не поймали ночью — в самое благоприятное для ловли время, — то сейчас и подавно ничего не выловят. Иоанн слышал, как некоторые тихонько пробормотали:

— Какой в этом смысл? Сразу видно — не рыбак Он.

Однако Симон добавил:

— Но по слову Твоему закину сеть.

Иоанн улыбнулся — его вера в Учителя была безгранична: раз говорит закинуть сети, значит, закинем, даже если это противоречит его жизненному опыту.

Лодка отплыла на глубину, Симон с Андреем закинули сеть, и... в следующее мгновение чуть ли не нырнули в море, не в силах вытащить ее. Андрей замахал Иоанну и Иакову, прося помочь, и те устремились к ним. Совместными усилиями они еле-еле вытянули тяжеленную сеть, переполненную рыбой. Обе лодки заполнили так, что те заметно погрузились в воду.

И хотя Иоанн предполагал, что какое-то чудо произойдет, такого изобилия все-таки не ожидал. На лице Симона вспыхнул благоговейный ужас, который испытывали все находившиеся рядом. Он рухнул к ногам Иисуса, воскликнув:

— Выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный.

Он выразил их общее ощущение, поскольку все в этот момент почувствовали, насколько недостойны находиться рядом со столь великим пророком. Иисус же просто ответил:

— Не бойся. Отныне будешь ловцом человеков, — и повернувшись к Иоанну с Иаковым, повторил: — Пойдемте со Мной, Я сделаю вас ловцами человеков.

До сих пор они сами ходили за Ним, но теперь Он приглашал их с собой. В душе вспыхнул пламенный восторг. По лицу брата Иоанн видел, что он испытывает схожие чувства. Так что, подведя лодки к берегу, они оставили всё и без тени сомнения последовали за Иисусом. Отец явно собирался что-то сказать, но передумал и только покачал головой. Сам он с ними не пошел, что было жаль, но и удерживать не стал. Зато некоторое время спустя к ним присоединилась мать. И жена Симона Перпетуя.

Глава 3

Они ходили по всей Галилее, и Иисус проповедовал о Царствии Божием и исцелял больных. Весть о Нем разнеслась мгновенно, и вскоре уже не только они — несколько учеников, число которых тоже пополнилось — ходили за Ним, но и толпы народа. Многие приводили или приносили больных, чтобы Он исцелил их, и никто не ушел не исцеленным. Но самым поразительным было изгнание бесов.

— Что это за новое учение, — поражались люди, — что Он и бесам повелевает, и повинуются Ему?

— Он говорит не как книжники, — соглашались другие, — а как имеющий власть.

Весть об Иисусе разнеслась не только по Галилее — к ним начали присоединяться люди, пришедшие из Иудеи, из-за Иордана, из Десятиградия, из Иерусалима. Так что Иисусу приходилось удаляться в пустыню, чтобы помолиться, а некоторое время спустя Он перестал входить в города, оставаясь в пустынных местах, но и туда к Нему приходили отовсюду.

— Как думаешь, — спросил как-то Иоанна Фома — один из недавно присоединившихся к ним учеников, — наверное, скоро Он восстановит царство Израилю? Вон сколько народу ходит за Ним. Скажи Он слово — и они тотчас поднимут восстание.

Они сидели у костра и ужинали печеной рыбой с лепешками. Иоанн пожал плечами.

— Возможно.

Конечно, все они ждали, чтобы Мессия создал обещанное пророками Царство Израиля, но Иоанн не брался загадывать сроки. Учителю лучше знать.

— Хотя, может, по-настоящему уверовавших еще и не так много... — задумчиво заметил Фома.

Если Иисус и знал, о чем они говорят — а Иоанн был уверен, что знал, — Он ничего им не сказал. И это только доказывало, что им не следует задумываться над этим вопросом.

В тот день они снова были в Капернауме — в доме Учителя. Конечно же, новость разнеслась немедленно и в дом собралась вся округа. Теснились и снаружи, поскольку в небольшой дом все желающие поместиться просто не могли. Были тут и фарисеи с книжниками, пришедшие аж из Иерусалима. Иоанн посчитал бы это победой, если бы не одно «но». Они со всей очевидностью хотели не узнать истину, не научиться чему-то, не стать учениками Иисуса, а подловить Его, подорвать веру в Него в народе. Иоанн сильно подозревал, что они просто боятся за собственную власть и влияние на людские умы.

Странный шорох наверху привлек внимание Иоанна, и он поднял голову, чтобы увидеть, как кто-то раскапывает крышу. Он посмотрел на Иисуса, но Тот продолжал говорить с народом, не обращая внимания. А дыра становилась всё больше, и в конце концов, Иоанн мог увидеть в нее несколько человек, сидевших на крыше. На мгновение они куда-то исчезли, а потом в раскопанную дыру начали спускаться носилки с лежащим на них человеком.

Теперь Иоанн понял: видимо, они хотели принести больного Учителю, но не смогли пробраться в двери из-за огромного количества народа. Честно говоря, он был впечатлен: поднять на крышу носилки с неспособным самостоятельно двигаться человеком — та еще задача. Не говоря уже о том, чтобы раскопать крышу и спустить носилки в получившуюся дыру. Только по-настоящему горячая вера могла сподвигнуть на подобное.

Посмотрев на неподвижного больного, Учитель сказал:

— Дерзай, чадо, прощаются тебе твои грехи.

У книжников и фарисеев сделались крайне возмущенные лица.

— Богохульство! — тихонько пробормотал один из них.

— Только Бог может отпускать грехи! — так же себе под нос добавил другой.

И с этим утверждением сложно было поспорить. Однако Учитель нисколько не смутился и спокойно ответил так, будто они высказали Ему свои претензии напрямую:

— Что легче — сказать расслабленному «прощаются тебе грехи» или сказать «встань, возьми свою постель и ходи»?

Ответ был очевиден, и это понимали все. Если опустить вопрос с богохульством, фраза об отпущении грехов ни к чему не обязывала, а вот вторая...

— Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле отпускать грехи, — Учитель повернулся к расслабленному и властно заключил: — Встань, возьми постель свою и иди в дом свой.

И на глазах у пораженных зрителей расслабленный встал — неуверенно, осторожно, сначала сел, опираясь на руки, а потом поднялся. Он пошатывался с непривычки, но стоял. И на его лице было написано восторженное изумление — то же, что охватило всех присутствующих. Фарисеи с книжниками не нашлись, что сказать на столь явное чудо. А народ в страхе и изумлении восклицал:

— Благословен Бог Израилев!

— Никогда мы не видали ничего столь поразительного!

— Великий пророк восстал среди нас, и Бог посетил народ Свой.

Иоанн застыл, когда эти слова отдались в душе нечеткой пока догадкой.

Бог посетил народ Свой.

Только Бог может отпускать грехи.

Бог посетил народ Свой...

В вывод, который напрашивался, он не смел поверить. Такого же не может быть, правильно? Но зерно этой мысли осталось в глубине души, ожидая своего часа.

На Пасху снова пошли в Иерусалим. Их когда-то совсем маленькая группа последователей Иисуса значительно увеличилась. Ходили с ними и женщины, в числе которых были мать Иоанна и жена Симона, которые служили Иисусу, чем могли. Возросло число учеников. Последним пополнением стал Левий Матфей, сборщик податей. Бывший сборщик податей.

Когда Учитель позвал его за собой и вошел в его дом, возмущались не только фарисеи, которые в принципе только и искали, за что бы зацепиться. Многие из поверивших в Иисуса как в Мессию и следовавших за ним тоже были сильно недовольны. Как это их, благочестивых добропорядочных граждан, поставили на одну доску с презренным мытарем!

Но Иоанн давно понял, что Учителю безразличны и происхождение, и род занятий, и состояние — Он смотрел прямо в душу тех, кого звал за Собой, и душа неизменно откликалась на зов. Впрочем, недовольных заставили замолчать слова о том, что не здоровые, а больные нуждаются во враче.

И всё же первое время на Левия косились недоброжелательно. Да и он, прекрасно понимая, что о нем думают, держался особняком, чтобы не раздражать лишней раз. Иоанн первый подсел к нему, когда они остановились на ночлег под сенью нескольких маслин. Для нисана¹⁴ погода стояла довольно теплая, но ночью всё равно было холодно, так что все собрались поближе к костру. За ужином переговаривались, обсуждали прошедший день, строили предположения о предстоящем. Учитель сидел, прислонившись к стволу маслины и смотрел в ночное небо. В такие моменты Иоанну было ужасно интересно, о чем Он думает.

Его Мать подошла к Нему, положила ладонь на плечо, едва касаясь, и Он повернул к Ней голову. Некоторое время они о чем-то тихо говорили, после чего Мария подошла к Левии,

¹⁴ Первый месяц в еврейском календаре, соответствует марту-апрелю.

который как всегда устроился в стороне, закутавшись в гиматий¹⁵, чтобы не замерзнуть, и протянула ему кусок хлеба с сыром. Иоанн уже не в первый раз подивился красоте Ее лица. Дело было не во внешней правильности черт или еще какой привлекательности, а в том, что из больших синих глаз будто изливался внутренний свет, который озарял всё лицо, делая его невероятно прекрасным. А ласковая, полная любви улыбка, которую Она обращала к каждому, вне зависимости от того, кем этот человек был, заставляла сердца раскрываться навстречу.

Левий посмотрел на Марию удивленно и, поблагодарив, взял хлеб. Она что-то ему сказала, после чего вернулась к Сыну, чтобы сесть рядом.

Левий посмотрел Ей вслед, после чего его взгляд сосредоточился на Учителе. И на его лице ясно были написаны безграничная благодарность и изумленное восхищение. И именно это выражение заставило Иоанна подсесть к нему. Левий покосился на него, но ничего не сказал.

Некоторое время они сидели молча, пока Иоанн не позвал:

— Левий...

— Зови меня Матфей, — перебил тот.

Иоанн удивленно приподнял брови — это было своего рода предложением дружбы¹⁶, — а потом кивнул.

— Матфей, как ты стал мытарем?

Он старательно говорил ровным легким тоном, чтобы вопрос не прозвучал упреком или осуждением. Матфей посмотрел на него и пожал плечами.

— У меня и выбора-то особого не было. Когда родители умерли, дядя устроил меня сначала в таможду — мальчиком на побегушках. Чтобы не зря его хлеб ел. А потом и мытарем. Сказал, доходная должность, голодным, мол, не останешься, — Матфей покачал головой и невесело усмехнулся. — Ну, тут он прав был — должность доходная, — он снова посмотрел на Иоанна, на этот раз в темных глазах четко проступило чувство вины. — Я поначалу пытался честно брать только то, что положено, но знаешь... Оно затягивает. Дай, думаю, у одних возьму чуть побольше — они люди состоятельные, не обеднеют. Все ж так делают. А потом начинаешь брать всё больше и уже не можешь остановиться.

Матфей замолчал и скорбно поджал губы, а потом тихо произнес:

— Я знаю, что я грешник недостойный, но Он... — Матфей обратил изумленный взгляд на Иисуса. — Не знаю, что Он увидел во мне, но я ничего не пожалею, чтобы оправдать Его веру в меня.

Иоанн кивнул. Это чувство было ему очень даже знакомо. Не такие уж они и разные, если подумать. Еще немного помолчав Матфей вдруг спросил:

— Как думаешь, что Учитель имел в виду, когда сказал, что не всегда будет с нами?

Действительно интересный вопрос. Иоанн тогда тоже озадачился, когда зашел разговор о посте, и Иисус сказал, что не могут сыны брачного чертога поститься, пока с ними Жених, а вот когда Жених отнимется от них будут поститься. Сравнивая Своих учеников с сынами брачного чертога, Женихом Он назвал Себя — это было кристально ясно. Но тогда получалось, что Он, как справедливо заметил только что Матфей, не всегда будет с ними.

— Мессия же не может умереть, правильно? — продолжил Матфей.

— Правильно, — присоединился к разговору Иаков раньше, чем Иоанн успел что-либо ответить. — Мессия пребывает вечно.

— Ну, может, Его не будет именно рядом, — предположил Нафанаил.

— А где?

¹⁵ Верхняя одежда, по сути представлявшая собой драпировку, зачастую была шерстяной и бедняками использовалась одновременно вместо одеяла.

¹⁶ У евреев в обычае было иметь два имени — одно для всех, а другое — только для своих.

Обсуждение увлекло всех сидевших поблизости, и вскоре они уже совершенно спокойно общались с Матфеем, с которым до сих пор не хотели разговаривать.

Иоанну показалось, что Учитель улыбнулся, бросив на них взгляд, но, возможно, только показалось.

С тех пор Матфей больше не держался в стороне, и никто уже не считал его парией.

Фарисеи и книжники теперь встречали Учителя с откровенной враждебностью — и в Иерусалиме, где они пробыли на этот раз не слишком долго, и в Галилее, — постоянно цепляясь за всё, чтобы уличить Его в чем-нибудь незаконном. А Он будто нарочно дразнил их, исцеляя больных по субботам. И еще больше — Своими проповедями, бросающими вызов, а порой и напрямую обвиняющими фарисеев и книжников в лицемерии. Те злились, скрежетали зубами, но не имея, что возразить, искали способы погубить Учителя. Пока не находили, но кто ищет, тот всегда найдет. И это сильно беспокоило Иоанна, да и других учеников. Иисус же будто не замечал их отношения, хотя Иоанн не сомневался, что Он знал всё — вплоть до людских помыслов, что неоднократно доказывал, отвечая на невысказанные мысли окружающих. А с другой стороны, кто знает, каким силами обладал Мессия, способный не только исцелять и изгонять бесов, но и воскрешать умерших? Скорее всего Ему и бояться нечего было злости фарисеев.

Зато простой народ ходил за Ним толпами. Из многочисленных учеников, внимавших Ему, Иисус избрал двенадцать человек, среди которых оказался и Иоанн. Среди избранных был и его брат Иаков, и все старые друзья — Андрей, Симон, Филипп, Нафанаил, Симон Кананит. А кроме того, и присоединившиеся к ним несколько позже Фаддей, бывший мытарь Матфей, Фома, Иаков Алфеев и Иуда. Последний вызывал у Иоанна безотчетную антипатию — слишком надменный, слишком себе на уме, — но раз Учитель выбрал его вместе с остальными, значит, он был этого достоин.

После чего Иисус отправил их проповедовать приближение Царствия Божия по городам Галилеи и Иудеи, разделив их по парам. А для подкрепления проповеди дал им силу исцелять болезни и изгонять бесов.

Иоанн пошел вместе с братом. Им выпала Иудея, и, поскольку Учитель велел не ходить к самарянам и язычникам, для начала они направились в Ефрем.

Первый больной им встретился еще по пути — в небольшом поселении, где они собирались остановиться на ночь. Уже пожилой мужчина в потрепанной хламиде сидел на траве возле дороги и просил милостыню. Рядом лежали два костыля, и при одном взгляде на его искореженные ноги становилось понятно, зачем они ему нужны. Рядом стояла глиняная миска с несколькими мелкими монетами. Он не смотрел на проходивших, опустив взгляд в землю, словно стыдился просить, но другого выбора у него не было.

— Давай исцелим его, — с энтузиазмом предложил Иоанн, которому не терпелось испытать на деле данные Учителем силы.

— Ты так уверен, что получится? — с сомнением спросил Иаков.

— А ты нет? — удивился Иоанн.

Сам он нисколько не сомневался, что как Иисус может исцелять, так может и даровать эту способность, кому хочет. Иаков пожал плечами.

— Учитель сказал: надо верить, — тихо, но твердо произнес Иоанн. — Всё возможно верующему.

Иаков улыбнулся.

— Боюсь, мне как раз твоей веры и не хватает. Но не сомневаюсь, что у тебя получится. Вперед.

Некоторое время Иоанн внимательно смотрел на него, а потом кивнул.

— Ладно, — сказал он, надеясь, что его пример послужит для брата укреплением.

Подойдя к нищему, Иоанн протянул ему руку.

— Хочешь снова ходить? — спросил он.

— Конечно, хочу, — невесело усмехнулся тот.

— Тогда возьми мою руку.

Нищий с сомнением посмотрел на него, но послушался. И Иоанн потянул его на себя, поднимая с земли.

— Именем Иисуса из Назарета — встань и ходи.

Ноги нищего выпрямились, несколько мгновений спустя он стоял уже самостоятельно, ошарашенно глядя на Иоанна. Рядом раздались удивленные и восторженные восклицания остановившихся случайных прохожих.

— Уж не тот ли ты Проповедник, о Котором все говорят? — спросил нищий, не отрывая от Иоанна сияющего взгляда.

Он покачал головой.

— Нет, я Его ученик.

— Если Его ученики могут творить такие знамения, каков же Он Сам? — негромко произнес кто-то из собравшихся.

— Теперь ты убедился, брат? — с улыбкой повернулся Иоанн к Иакову.

Тот кивнул с выражением крайнего благоговения на лице.

В том поселении (как, впрочем, и во всех последующих) проблем с ночлегом и питанием у них не было. Привлеченные чудом люди с радостью предоставили им и жилье, и ужин, и собрались послушать их.

В другом селении жители очень интересовались Учителем. В том доме, где остановились Иоанн с Иаковым, завязалась целая дискуссия между хозяевами и соседями. Довольно просторная комната освещалась масляной лампой, свет которой бросал блики на лица собравшихся.

— Он Илия, — говорил пожилой мужчина, который сидел, сложив ладони на трости.

— Один из пророков точно, — согласно кивнул похожий на него юноша.

Иоанн переглянулся с братом. Стоит ли поправить их или это ничего не даст? Он не понимал, почему никто не считает Иисуса Мессией.

— А знаете, что говорит царь Ирод? — вдруг спросил мужчина, устроившийся в стороне у стены.

Все присутствующие с интересом повернулись к нему.

— Ну-ка, ну-ка, поведай нам, Амрам, — с любопытством и одновременно насмешливо произнес хозяин дома Зерах.

Тот насмешкой ничуть не смутился.

— Я слышал от верных людей, — заявил он, подавшись вперед, — что Ирод считает, будто это Иоанн Креститель восстал от мертвых. Я, говорит, его обезглавил, а он воскрес.

— Да брось! — раздалось несколько недоверчивых голосов.

— Клянусь, так и есть! — горячо заверил Амрам. — Ирод, кстати, очень хочет Его увидеть. Убедиться.

Иоанн снова переглянулся с Иаковым. Seriously? Это Ирода совесть мучает, или что? О смерти Крестителя они узнали не так давно — как раз перед тем, как Иисус послал их на проповедь. И Иоанн всё еще скорбел по нему. Он был великим пророком, вдохновлявшим людей, направлявшим их к Мессии. А погубила его злость развратной женщины. И мягкотелость Ирода, который позволял своей жене вертеть им как угодно.

— Иисус не простой пророк, — вмешался Иоанн в оживленную дискуссию, и, хотя говорил он негромко, все сразу замолчали. — Он Мессия.

Несколько мгновений спустя звенящая тишина взорвалась еще более бурным обсуждением. Иоанн вздохнул. Что ж, они сделали, что могли. Оставалось надеяться, что они заронили зерно, которое в свое время даст плоды.

Почти год ходили они по Иудее и Галилее и вернулись к Учителю незадолго до Пасхи. Все были в восторге от своих новых сил, от того, что даже духи подчиняются им. И воодушевленно обменивались впечатлениями. Однако Иисус на их восторг только покачал головой и сказал:

— Радуйтесь не о том, что духи подчиняются вам, а о том, что имена ваши написаны на небесах.

Восторженная радость Иоанна сменилась озадаченностью. Он задумался над словами Учителя и только некоторое время спустя понял: они приняли следствие за причину, средство за цель. Как дети новой игрушке, они радовались дарованным им силам, забыв о том, что не это главное.

Люди ходили за ними еще большими толпами, чем раньше — привлеченные и слухами об Иисусе, и проповедью Его учеников. Постоянно кто-то приходил, уходил, просил об исцелении. Настолько, что им было некогда даже поесть. И Учитель увел их в пустынное место неподалеку от родного города Иоанна Вифсаиды.

Однако люди нашли их и там. Они только-только успели перевести дух, как снова собралась толпа.

— Да сколько можно? — недовольно пробормотал Иуда. — Они не думают, что нам тоже надо отдыхать, что у нас есть человеческие потребности?

— Им нужна помощь, — примирительным тоном ответил Филипп. — Они знают, что здесь ее получают, вот и идут. Посмотри на них: они будто овцы, потерявшие пастуха.

— Учитель сказал, мы должны отдавать даром то, что даром получили, — заметил Фома.

— Даром, — фыркнул Иуда — весь его вид выражал отвращение к этому понятию. — Но ведь не без передышки же!

Пока они обсуждали этот вопрос, Учитель вышел к людям и принялся исцелять больных и беседовать с ними о Царствии Божием.

Иуда раздраженно вздохнул, но критиковать Учителя не осмелился.

Наступил вечер, а народ всё не расходился, заворуженно внимая Учителю.

— Пойду скажу, чтобы отпустил их купить себе еды, — сказал Филипп и, задумчиво посмотрев на садящееся солнце, добавил: — Хотя не знаю, успеют ли.

Иоанн пошел с ним, а мгновение спустя к ним присоединился Андрей.

— Учитель, — заговорил Филипп, — место здесь пустынное, да и поздно уже...

Договорить он не успел, поскольку Иисус продолжил, будто прочитав его мысли:

— Где нам купить хлебов, чтобы накормить этих людей?

А может, и не будто. Иоанн не сомневался, что Он это умеет. Филипп опешил на мгновение и ответил:

— И на двести динариев хлеба не хватит, чтобы каждому досталось хотя бы немного. Отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи.

Иисус покачал головой, одарив его тем самым взглядом, который проникал до глубины души.

— Вы дайте им есть.

— Нам пойти купить для них хлеба? — с недоумением уточнил Андрей.

Иоанн его понимал — он и сам недоумевал о том, чего хочет от них Учитель. У них не было столько денег, чтобы купить хлеба на такую толпу. Вместо ответа Иисус спросил:

— Сколько у вас хлебов?

— У одного мальчика здесь есть пять хлебов и две рыбки, — ответил Андрей. — Но что это для такого множества?

Никто из них по-прежнему не понимал, к чему ведет Учитель.

— Принесите мне их, — велел Тот, — и скажите людям возлечь на траву рядами.

Они посмотрели друг на друга и пошли выполнять повеление. Раз Учитель так говорит, значит, так надо.

Люди расселись на траве, тихонько переговариваясь между собой, со всей очевидностью ожидая чего-то интересного. Учитель же, взяв хлеб и рыбу, благословил их и, преломив, дал им, Своим ученикам, и велел:

— Раздайте народу.

Они снова с недоумением переглянулись. И снова без возражений пошли исполнять. Подходя к первому человеку на его пути — молодому мужчине, рядом с которым сидела, по видимому, его жена, — Иоанн обеспокоенно гадал, по сколько отламывать от хлеба и не начнется ли потасовка, когда люди неизбежно захотят взять себе побольше. Но мужчина отломил половину от хлеба, и Иоанн, сделав шаг дальше, вдруг обнаружил, что хлеб в его руках снова целый. Эта история повторилась с каждым новым человеком — сколько бы ни отламывали, хлеб не уменьшался.

Иоанн восторженно обернулся на Учителя и встретил Его серьезный взгляд. Вспомнились Его слова, сказанные когда-то в самом начале Нафанаилу: «Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и ангелов Божиих восходящих и снисходящих к Сыну Человеческому».

Иоанн улыбнулся и уже радостно, без всякого опасения отламывал щедрые куски от хлеба и раздавал людям. Позже они из любопытства подсчитали людей и обнаружили, что их было пять тысяч мужчин — это не считая женщин и детей. А ведь после чудесной трапезы набрали еще несколько корзин остатков.

— Это истинно Тот Пророк, Которому должно прийти в мир, — говорили собравшиеся. — Он должен стать нашим Царем.

Толпа заволновалась.

— Правильно, правильно, — соглашались другие. — Прямо сейчас — чего еще ждать?

Но Иисус позвал к Себе двенадцать избранных учеников и скрылся от толпы.

— Это был такой прекрасный случай! — недовольно пробормотал Иуда, пока они шли к горам — однако говорил он тихо, чтобы Учитель не услышал. — Эти люди готовы были устроить переворот и устроили бы.

— Наверное, сейчас неподходящее время, — пожал плечами Симон.

— Вся страна идет за Ним — куда еще удобнее? — возразил Иуда.

— Успокойся, Иуда, — приструнил его Иоанн. — Если тебе так не нравится, зачем ты ходишь с нами?

Иуда пронзил его взглядом черных глаз, но ничего не ответил.

Учитель их спор не прокомментировал, хотя часто бывало, что как бы тихо они ни обсуждали какой-то вопрос, Он узнавал, о чем они говорят, и высказывался на этот счет. Значит, не хотел поднимать эту тему, решил Иоанн. Скорее всего Симон прав — сейчас просто не время, что бы там ни думал Иуда.

— Садитесь в лодку и отправляйтесь на другую сторону моря, — велел Иисус, когда они окончательно удалились от толпы.

— А Ты? — удивился Андрей.

— Я останусь здесь помолиться — нагоню вас позже.

Так что они сели в лодку и вышли в Галилейское море. И только тогда Иоанну пришло в голову, что на берегу не было других лодок. Неужели Учитель собирался обойти вокруг моря

пешком? Но задаваться этим вопросом было уже в любом случае поздно. Да скоро им стало и не до того.

В это время года Галилейское море часто бывало беспокойным, и когда они добрались до середины, подул встречный ветер, поднимая волны. Лодку начало бросать из стороны в сторону и захлестывать волнами. Они изо всех сил боролись со стихией.

Не спавшие всю ночь, под утро они начали отчаиваться добраться до земли и держались только на молитве. Как вдруг Фома испуганно воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.